

С точки зрения экономики

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-15-29

Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

kuznetsov_alexei@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

Пределы взаимодействия российского и китайского бизнеса в странах ЕАЭС

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются возможности сопряжения российских и китайских интеграционных инициатив на пространстве ЕАЭС со стороны разных бизнес-структур. Подчеркивается необходимость более широкого анализа проблемы, не ограниченного изучением перспектив так называемого Экономического пояса Шёлкового пути. Статья основана на анализе статистики внешней торговли стран ЕАЭС, а также официальной информации и экспертных оценках о масштабах и структуре инвестиций, в том числе собранных автором данных о прямых капиталовложениях российских и китайских ТНК, осуществленных в странах ЕАЭС напрямую или через третьи государства. Особое внимание уделено как конкуренции российских и китайских ТНК в Казахстане и Киргизии, так и возможностям продуктивного сотрудничества соответствующих бизнес-структур в Центральной Азии. Рассмотрено также растущее влияние китайского бизнеса в Белоруссии и Армении, где среди иностранных инвесторов пока доминируют российские компании, но имеется также существенное присутствие западноевропейских

и некоторых других ТНК. Затем отдельно изучаются пределы взаимодействия российского и китайского бизнеса в самой России, а также сравниваются масштабы китайских прямых капиталовложений в Российской Федерации и встречные потоки российских прямых инвестиций в КНР. Наконец, проверяется гипотеза о жизнеспособности российско-китайского экономического взаимодействия за пределами постсоветского пространства, поскольку отсутствие кооперации российских и китайских ТНК в Африке или Латинской Америке, скорее, может свидетельствовать лишь о вынужденном, обусловленном политическими факторами характере сотрудничества в странах ЕАЭС.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЕАЭС, внешняя торговля, прямые иностранные инвестиции, российские ТНК, китайские ТНК

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кузнецов А.В. (2017). Пределы взаимодействия российского и китайского бизнеса в странах ЕАЭС. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (5). 15-29. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-15-29

From the Point of Economics

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-15-29

Alexey V. KUZNETSOV

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924

Limits of Interaction of Russian and Chinese Business in the Countries of Eurasian Economic Union

ABSTRACT. *The article is dedicated to the possibility of joining the Russian and Chinese integration initiatives on the EEU space from the side of business-actors. The author stresses the necessity for a wider type of analysis, which would not be limited by such narrow research object as perspectives of the so-called Silk Road Economic Belt. The study is based on the statistic analysis of the partner-states foreign trade and official information, as well as expert evaluation of the investments' scale and structure. Besides, the author collected data about the direct investment provided by Chinese and Russian TNC in order to support the EEU member-states (directly or via third states). The significant part of the article is dedicated to the issues of competition between the Chinese and Russian TNC in Kazakhstan and Kyrgyzstan and possibilities of the fruitful cooperation between those businesses in Central Asia. The author also sheds light on the growing impact of the Chinese business in Belarus and Armenia, where Russian firms are the most powerful foreign economic actors, what, nevertheless, does not re-*

duce the significant impact of the Western European and other TNC. Those considerations are followed by the author's examination of the limitation of the China-Russia business partnership in Russia itself; the author also presents an original comparative analysis of the Chinese direct investments in Russia and vice versa. Finally, the author attempts to verify the hypothesis about the positive perspectives of the Russia-China economic partnership outside of the post-soviet space. The author claims that the lack of such a cooperation between Russian and Chinese TNCs in Africa or Latin America illustrates the power of political limiting factors, rather than the absence of mutual interest of the parties.

KEYWORDS: *Eurasian Economic Union, foreign trade, direct foreign investments, Russian multinational corporations, Chinese multinational corporations*

FOR CITATION: Kuznetsov A.V. (2017). Limits of Interaction between Russian and Chinese Business in the Countries of the Eurasian Economic Union. *Outlines of*

global transformations: politics, economics, law, 10 (5). 15-29. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-15-29

Экономическая конкуренция России и Китая в Центральной Азии обсуждается уже довольно давно (Лузянин, 2010). Актуальность этой темы только возросла с созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который позиционируется как долгосрочный перспективный интеграционный проект на постсоветском пространстве, а также в связи с активизацией усилий КНР по практической реализации концепции «Экономического пояса Шёлкового пути» (ныне в рамках концепции «Один пояс – один путь»). Формально лидеры России и Китая в мае 2015 г. объявили о сопряжении строительства ЕАЭС и «Экономического пояса Шёлкового пути», однако эксперты говорят не только о возможностях взаимодействия России и Китая, но и об обострении соперничества двух крупных держав (Салицкий, Семенова, 2014; Лукин и др., 2016; Скриба, 2016).

В этой статье мы делаем акцент на относительно менее изученных аспектах данной проблемы. Во-первых, в географическом плане нами рассматривается не столько популярная у большинства экспертов Центральная Азия, сколько именно ЕАЭС. Причем не только Казахстан и Киргизия, но и Армения и Белоруссия (последняя особенно важна в связи с ростом интереса КНР к экспансии в Восточной Европе), а также сама Россия. Во-вторых, мы уделяем повышенное внимание не политико-экономическим факторам¹, а инвестициям компаний, в том числе частных, причем вопросы взаимо-

действия и конкуренции российских и китайских ТНК нами рассматриваются не только в привязке к странам ЕАЭС. В этой связи нами проверяется гипотеза о жизнеспособности российско-китайского экономического взаимодействия за пределами постсоветского пространства, поскольку отсутствие кооперации российских и китайских ТНК в других регионах мира, скорее, может свидетельствовать лишь о вынужденном, обусловленном политическими факторами характере сотрудничества в странах ЕАЭС.

Современная роль Китая во внешнеэкономических связях ЕАЭС

По мере роста экономической мощи Китая его роль во внешнеэкономических связях большинства стран мира быстро растет. Не стали исключением и страны ЕАЭС. Например, российский товарный экспорт в Китай вырос более чем в 7 раз с 2000 по 2013 г. – с 5,2 млрд долл. до 37,5 млрд долл. При этом доля КНР в российском экспорте увеличилась с 5,1% до 7,1%. Одновременно российский товарный импорт из Китая вырос в 56 раз (!) – с 0,9 млрд долл. до 53,2 млрд долл. В итоге доля КНР в российском импорте увеличилась с 2,8% до 16,9%, причем знак сальдо торгового баланса поменялся. В целом доля Китая во внешнеторговом обороте России выросла за 13 лет с 4,5% до 10,8%. В 2014–2016 гг. объем экспорта и импорта сильно сократился – соответственно до 28,0 млрд долл. и 38,1 млрд долл. При этом удельный вес КНР, однако, продолжил увеличиваться – до 9,8% в экспорте России, 20,9% в импор-

¹ Такой подход довольно распространен (Михеев и др., 2015).

Таблица 1. Место Китая в географии внешней торговли стран ЕАЭС в 2016 г.

Показатель		Россия	Казахстан	Белоруссия	Армения	Киргизия
Всего	экспорт, млрд долл.	287,58	36,74	23,53	1,79	1,58
	импорт, млрд долл.	183,31	25,37	27,61	3,22	4,00
	оборот, млрд долл.	470,89	62,11	51,14	5,01	5,58
	доля в обороте, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Страны ЕАЭС	экспорт, млрд долл.	26,80	3,93	11,38	0,39	0,45
	импорт, млрд долл.	14,49	9,86	15,38	1,06	1,63
	оборот, млрд долл.	41,29	13,79	26,76	1,45	2,08
	доля в обороте, %	8,8	22,2	52,3	28,9	37,3
Россия	экспорт, млрд долл.	X	3,65	10,29	0,38	0,18
	импорт, млрд долл.	X	9,56	15,25	0,96	1,03
	оборот, млрд долл.	X	13,21	25,54	1,34	1,21
	доля в обороте, %	X	21,3	49,9	26,7	21,7
Прочие страны	экспорт, млрд долл.	260,78	32,81	12,15	1,40	1,13
	импорт, млрд долл.	168,82	15,51	12,23	2,16	2,37
	оборот, млрд долл.	429,60	48,32	24,39	3,56	3,50
	доля в обороте, %	91,2	77,8	47,7	71,1	62,7
ЕС-28	экспорт, млрд долл.	130,67	18,68	5,66	0,48	0,07
	импорт, млрд долл.	69,87	5,69	5,52	0,71	0,25
	оборот, млрд долл.	200,55	24,37	11,18	1,19	0,32
	доля в обороте, %	42,6	39,2	21,9	23,8	5,7
Китай	экспорт, млрд долл.	28,02	4,23	0,47	0,10	0,08
	импорт, млрд долл.	38,11	3,67	2,13	0,34	1,47
	оборот, млрд долл.	66,13	7,90	2,60	0,44	1,55
	доля в обороте, %	14,0	12,7	5,1	8,8	27,8
Пятерка стран-лидеров вне ЕАЭС по торговому обороту	Китай	Италия	Украина	Китай	Китай	
	ФРГ	Китай	Китай	ФРГ	Швейцария	
	Нидерланды	Нидерланды	ФРГ	Иран	Турция	
	США	Швейцария	Польша	Грузия	Узбекистан	
	Италия	Франция	Велико-британия	Болгария	США	

Источники: Объемы экспортных поставок Росс/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/ 2016/12_180/I201612_8_5.pdf (Дата обращения: 18.10.2017); Объемы импортных поставок Российской Федерации из государств – членов ЕАЭС за 2016 г. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2016/12_180/I201612_9_5.pdf (Дата обращения: 18.10.2017); Внешняя взаимная торговля товарами Евразийского экономического союза. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/default.aspx (Дата обращения: 18.10.2017); Внешняя торговля Республики Армения по странам. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2016/12_180/E201612_2_2.pdf (Дата обращения: 18.10.2017); Внешняя торговля Республики Беларусь по странам. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2016/12_180/E201612_2_3.pdf (Дата обращения: 18.10.2017); Внешняя торговля Республики Казахстан по странам. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2016/12_180/E201612_2_4.pdf (Дата обращения: 18.10.2017); Внешняя торговля Кыргызской Республики по странам. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2016/12_180/E201612_2_5.pdf (Дата обращения: 18.10.2017); Внешняя торговля Российской Федерации по странам. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2016/12_180/E201612_2_6.pdf (Дата обращения: 18.10.2017).

те России и 14,1% в целом в торговом обороте².

Похожие процессы происходят и в других странах ЕАЭС. Китай уже входит в тройку лидеров среди важнейших партнеров всех стран ЕАЭС (Таблица 1).

Только у Казахстана наблюдается положительное сальдо во внешней торговле с Китаем, что обусловлено масштабным экспортом сырья (в том числе с предприятий и с помощью транспортной инфраструктуры, находящихся под контролем китайских инвесторов). Тем не менее у Казахстана, как и у России, роль ЕС-28 в товарообороте намного больше – за счет того, что значительная часть экспортных поставок ориентирована по-прежнему на Запад, а также по причине более диверсифицированного масштабного товарного импорта из стран ЕС.

Притом что у остальных четырех стран ЕАЭС, включая Россию, отрицательное сальдо торговли с Китаем, наблюдается огромный разрыв между экспортом и импортом только у Киргизии. Он обусловлен среди прочего использованием этого государства в качестве транзита для поставки товаров в третьи страны, в том числе ЕАЭС. При этом собственный экспорт Киргизии за пределы постсоветских стран связан прежде всего с поставками золота (особенно в Швейцарию). Экспортная ориентация золоторудной промышленности, естественно, привлекает иностранные капиталовложения, однако компании из соседнего Китая по масштабам присутствия пока уступают канадским инвесторам (в отрасли действуют и другие иностранные фирмы, в том числе из стран ЕАЭС).

К сожалению, сказанное выше позволяет выявить два тренда, развитие которых пока является наиболее вероятным во взаимоотношениях с Китаем всех стран ЕАЭС, включая Россию. Во-первых, рост экспорта в Китай возможен прежде всего за счет наращивания поставок сырья и полуфабрикатов (например, путем развития производственной базы с помощью китайского капитала). Во-вторых, улучшение структуры импорта возможно главным образом при усилении транзитных функций постсоветских стран. Последнее можно обеспечить как благодаря чисто транспортным операциям, так и налаживанию выпуска продукции на предприятиях с китайским капиталом для дальнейших поставок на Запад (прежде всего в страны ЕС).

Что касается прямых инвестиций, то значение капиталовложений из России важно прежде всего для Белоруссии и Армении, тогда как из Китая – для Казахстана и Киргизии (Таблица 2). Особенно это заметно при расчете накопленных прямых инвестиций с учетом вложений через третьи страны, поскольку и китайские, и особенно российские и казахстанские ТНК нередко осуществляют капиталовложения через фирмы, зарегистрированные на Кипре, Виргинских (Брит.) островах и в иных подобных юрисдикциях. Такие подсчеты прямых инвестиций уже 6 лет делаются исследовательской командой ИМЭМО РАН (Кузнецов и др., 2017). Они показывают занижение реальных масштабов прямых инвестиций официальной статистикой более чем вдвое. При этом в Киргизии значение инвесторов из России и Китая (а также Канады) примерно сопостави-

2 Расчеты произведены по изданию: Россия в цифрах. 2017: Крат. стат. сб. 2017. С. 474, 479, 481. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/rusfig/rus17.pdf. (Дата обращения: 18.10.2017)

мо, ненамного от них отстает и Казахстан. В Армении прямых китайских инвестиций почти нет, тогда как относительно значимую роль играют инвесторы из нескольких стран ЕС, Ливана и США (во многом это представители армянской диаспоры).

В этой связи значение Китая для Киргизии оказывается куда более существенным благодаря кредитам. Так, по данным Минфина Кыргызской Республики, на конец 2016 г. внешний долг страны составил почти 3,8 млрд долл., в том числе перед Экспортно-импортным банком Китая – свыше 1,5 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2010 г. более чем в 10 раз (по сути, весь прирост госдолга Киргизии

связан с увеличением обязательств перед Китаем). Для сравнения: за тот же период долг Киргизии перед Россией сократился с 300 млн долл. до 270 млн, перед Азиатским банком развития вырос с 564 млн долл. до 568 млн, перед Международной ассоциацией развития (группа Всемирного банка) уменьшился с 649 млн до 618 млн долл., перед Японским банком международного сотрудничества снизился с 431 млн до 236 млн долл. и т.д.³ К 30 сентября 2017 г. внешний долг Киргизии приблизился к 4 млрд долл., причем на Экспортно-импортный банк Китая пришлось уже 1,63 млрд долл.⁴. Опыт других небогатых развивающихся стран показывает, что через какое-то время эти долги,

Таблица 2. Накопленные прямые инвестиции в странах ЕАЭС в конце 2016 г.

Страна – источник инвестиций	Россия		Казахстан		Белоруссия		Армения		Киргизия	
	млрд долл.	%								
Всего (данные ЮНКТАД)	379,0	100	129,8	100	19,0	100	4,6	100	5,1	100
Россия (данные ЦБ РФ)	X	X	3,0	2	3,8	20	1,2	26	0,2	4
Россия (данные ИМЭМО РАН)	X	X	8,2	6	8,5	45	3,4	74	0,9	18
Китай (данные ИМЭМО РАН)	8,2	2	21,5	17	0,6	3	0,0	0	0,9	17
Казахстан (данные ИМЭМО РАН)	2,9	0,8	X	X	0,1	0,5	0,0	0	0,6	12
Казахстан (данные Национального банка Казахстана)	1,2	0,3	X	X	0,0	0,1	0,0	0	0,3	6

Источники: UNCTAD. World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. 2017. URL: <http://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=1782> (Accessed: 18.10.2017); (Кузнецов и др., 2017, с. 8); Исходящие прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж по инструментам и странам-партнерам в 2014–2017 гг. (по состоянию на дату, по принципу направленности). Дата публикации – 06.09.2017. URL: https://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/direct_investment/16-dir_inv.xlsx (Дата обращения: 18.10.2017); Состояние нетто-позиции по прямым инвестициям по направлению вложения по странам на 31 декабря 2016 г. URL: http://www.nationalbank.kz/cont/15ru_4q16.xlsx. (Дата обращения: 18.10.2017)

3 Структура государственного внешнего долга КР по состоянию на 31.12.2016 г. URL: http://www.minfin.kg/userfiles/ufiles/struktura_vneshnego_dolga31.12.2016.xls (Дата обращения: 18.10.2017)

4 Структура государственного внешнего долга КР на 2017 г. URL: http://www.minfin.kg/userfiles/ufiles/2017/struktura_vneshnego_dolga_na_30.09.2017.xls (Дата обращения: 18.10.2017)

скорее всего, придется конвертировать в прямые инвестиции китайских компаний – либо в сырьевых, либо в инфраструктурных предприятиях. Уже сейчас такая география внешнего долга Киргизии (40% приходится на КНР) в немалой степени определяет внешне-торговую ориентацию этой страны, несмотря на ее формальное членство в ЕАЭС. Китайские кредиты получают и другие страны ЕАЭС, в том числе Белоруссия и Армения, где присутствие прямых китайских инвесторов пока невелико.

Китайский фактор в конкуренции инвесторов в странах ЕАЭС

Значение китайских инвестиций в странах ЕАЭС постоянно растет. По расчетам ИМЭМО РАН, если в конце 2010 г. накопленные прямые капиталовложения из Китая в 5 странах ЕАЭС составили 17,3 млрд долл., то к концу 2016 г. они выросли до 31,3 млрд долл.⁵ Данные китайской статистики несколько иные⁶. Так, цифры по России у китайцев оказываются больше (видимо, за счет небольших проектов в восточных регионах страны), а по Казахстану – существенно меньше. Вероятно, последнее связано с проблемами учета инвестиций Trans-Asia Gas Pipeline Company, принадлежащей CNPC, в магистральные трубопроводы из Туркмении (через Узбекистан) и непосредственно из Казахстана в Китай, а также со сложностью оценки вложений в ряд добывающих проектов через офшоры.

Вместе с тем пока отраслевая структура китайских прямых инвестиций достаточно примитивная, с креном в сторону нефтегазового сектора, других сырьевых отраслей и инфраструктурных проектов. Особенно это характерно для Казахстана и Киргизии (как, впрочем, и для не входящего в ЕАЭС соседнего Таджикистана). Несколько отличной выглядит структура китайских прямых инвестиций только в Белоруссии, где наряду с вложениями в недвижимость выделяется машиностроение. Крупнейшим проектом (инвестиции превысили 0,3 млрд долл.) стало создание китайской компанией Geely Automobile Holdings совместного предприятия по сборке легковых автомобилей, ориентированного прежде всего на сбыт на российском рынке. Сначала это была «отверточная» сборка, но к осени 2017 г. запущен завод, отвечающий требованиям ЕАЭС о минимальной локализации автомобильного производства. По сути, этот пример иллюстрирует конкуренцию стран – членов ЕАЭС за инвестиции, ориентированные на рынок всего интеграционного проекта, причем китайские ТНК выбирают не Россию, считающуюся более комфортной для ТНК с точки зрения общих условий для иностранных капиталовложений, а соседнюю Белоруссию, где власти могут обеспечить индивидуальное сопровождение крупных проектов.

Иногда российские ТНК не выдерживают конкуренции с китайскими инвесторами по причине использования последними нестандартных для западных ТНК стратегий. Например,

5 Расчеты исследовательской команды под руководством А.В. Кузнецова в рамках проекта «Мониторинг и анализ инвестиций в странах СНГ и Евразии» по заказу ЕАБР.

6 Пока доступны детальные данные на конец 2015 г. – 14 млрд долл. в России, 5 млрд долл. в Казахстане, 1 млрд долл. в Киргизии, почти 0,5 млрд долл. в Белоруссии и меньше 10 млн долл. в Армении. См.: The Belt and Road Initiative: Country Profiles. URL: <http://china-trade-research.hktdc.com/business-news/article/The-Belt-and-Road-Initiative/The-Belt-and-Road-Initiative-Country-Profiles/obor/en/1/1X3CGF6L/1X0A36I0.htm> (Accessed: 18.10.2017)

в Киргизии построен крупный НПЗ Джунда в Кара-Балте именно на средства китайских инвесторов, поскольку они обеспечили объект также и квалифицированными кадрами из КНР, пока киргизская сторона не обучила своих специалистов. Этот довод оказался весомее, чем отсутствие сырья, которое теперь поступает с перебоями (тогда как приход российского инвестора дал бы сразу стабильные поставки сырой нефти из России или Казахстана). Еще один НПЗ в Киргизии в последние годы также построили китайцы (в Токмоке). Кстати, не исключено, что таким способом китайцы стремились закрепить себя в нефтепереработке всего ЕАЭС – за счет страны, где эта отрасль была не развита.

В то же время во многих нишах, особенно в сфере услуг, российские и западные ТНК вообще не встречают китайской конкуренции. В частности, китайские прямые инвестиции в банковском деле стран ЕАЭС незначительны, тогда как капиталовложения российских компаний (а иногда и инвесторов других стран ЕАЭС) довольно существенны. Так, лишь в двух странах ЕАЭС – России и Казахстане – действуют китайские банки Bank of China и Industrial & Commercial Bank of China. Собственные средства их дочерних банков на конец 2016 г. в России составили соответственно 101 млн и 93 млн долл., а в Казахстане – 72 млн и 51 млн долл. (кроме того, летом 2017 г. подписано соглашение о продаже 60% акций казахстанского «Алтын Банк» консорциуму China CITIC Bank Corporation и China Shuangwei Investment Co). В результате в России китайские банки не только не идут ни в какое сравнение с ведущими отечественными банками, а также такими европейскими гигантами, как «ЮниКредит Банк» (Италия), «Райффайзенбанк» (Австрия) или «Росбанк» (Франция), но и оказываются

сопоставимы с подконтрольным казахстанскому капиталу «Москоммерцбанком» (собственный капитал этой дочерней структуры «Казкоммерцбанка» в конце 2016 г. составил 60 млн долл.). В России действуют также и менее крупные казахстанские, а также белорусские и армянские банки. В Казахстане два китайских банка в сумме почти вдвое уступают по масштабам прямых инвестиций российским банкам – «Сбербанку», «Группе ВТБ» и «Альфа-Банку», конкурентами которых выступают прежде всего местные банки, а также ряд западных банков и дочерних структур банков из азиатских мусульманских стран. В Белоруссии крупнейшими российскими банками являются «Внешнеэкономбанк», «Газпромбанк», «Сбербанк», «Группа ВТБ» и «Альфа-Банк» (в совокупности их прямые инвестиции превышают 0,7 млрд долл.). В Киргизии действуют три крупных казахстанских банка – «АТФ-Банк», «БТА Банк» и «Халык Банк». В Армении действуют российская «Группа ВТБ» (собственный капитал – 78 млн долл.) и еще ряд менее значимых банков (нередко представленных россиянами из армянской диаспоры).

Китайских ПИИ нет пока в телекоммуникационном бизнесе стран ЕАЭС, тогда как российские ТНК входят в число важнейших игроков на рынках всех этих государств. При этом в Белоруссии российская «МТС» конкурирует с операторами, подконтрольными австрийскому и турецкому капиталу, а в Казахстане VEON (российско-норвежская компания, до 2017 г. носившая имя VimpelCom) – в основном с операторами, принадлежащими скандинавским инвесторам. Рынок Армении поделен между «МТС» и VEON, с которыми конкурирует только дочерняя структура французской Orange. На рынке Киргизии в основном соперничают операторы, подкон-

трольные российским и казахстанским инвесторам.

Курс на евразийскую экономическую интеграцию стран ЕАЭС воспринимается, по крайней мере российским бизнесом, как позитивный фактор для принятия решения об инвестировании в те государства, которые в ней участвуют. Не случайно в 2016 г. именно во всех странах ЕАЭС, в отличие от большинства постсоветских государств, оставшихся за бортом данного интеграционного проекта, росли накопленные российские прямые инвестиции (Кузнецов и др., 2017, с. 24). Однако прогнозировать дальнейший рост взаимных инвестиций в рамках ЕАЭС было бы преждевременно. Во-первых, неблагоприятная экономическая конъюнктура подрывает финансовые возможности постсоветских ТНК для зарубежных инвестиций – не случайно в 2016 г. российские ТНК продолжили распродажу части своих зарубежных активов. Во-вторых, в некоторых странах стараются не допустить иностранных (прежде всего российских) инвесторов в стратегически важные отрасли экономики. В качестве иллюстрации обычно называют несостоявшуюся приватизацию компании «Беларуськалий», но подобные примеры есть и в странах Центральной Азии (Квашнин, 2016).

Таким образом, за исключением Киргизии (которая по масштабам накопленных китайских прямых инвестиций превосходит соседние Узбекистан и Таджикистан) и сырьевых секторов Казахстана, китайский фактор в конкуренции инвесторов до сих пор менее значим, нежели западноевропейский. Однако в случае Армении представители ЕС действуют по шаблону, полагаясь на стратегию, выработанную в рамках «Восточного партнерства» и апробированную на примере Украины, – выдвигать много претензий к инвестиционному климату страны и

ждать его улучшения, поскольку Армения пока не отвечает стандартам ЕС для полномасштабного сотрудничества в инвестиционной сфере (Mamikonyan, Lewandowski, 2016). В таких условиях с учетом решения Армении присоединиться к ЕАЭС для российских ТНК особой угрозы со стороны конкурентов из ЕС нет (хотя, действительно, имеющиеся проблемы с инвестиционным климатом, естественно, надо преодолевать). По Белоруссии ситуация несколько сложнее. Существует довольно много работ по белорусскому инвестиционному климату. В некоторых публикациях ставится довольно точный диагноз специфике прямых иностранных инвестиций в стране, например доминирование капиталовложений, ориентированных на внутренний рынок, а не на экспорт (что плохо для долгосрочной устойчивости развития небольшой Белоруссии), а также высокая роль их непродуктивных типов, в частности вложений в недвижимость (Петрушкевич, 2017). Однако белорусских экспертов закономерно беспокоит абсолютное доминирование российских ТНК, поскольку помимо отраслевой диверсификации иностранных капиталовложений перед любой страной встает задача и их географической диверсификации. При этом, скорее всего, альтернативой российским все-таки станут западноевропейские ТНК, хотя контакты с китайцами (впрочем, как и с другими азиатами) белорусская сторона только приветствует.

Есть ли сотрудничество российских и китайских ТНК вне ЕАЭС и КНР?

В последнее время постоянно появляются сообщения о новых китайских проектах в России. Среди последних сделок можно выделить прежде

всего продажу за примерно 1,1 млрд долл. 20%-ной доли ПАО «Верхнечонскнефтегаз» компанией «Роснефть» китайскому инвестору Beijing Gas Group Company Limited (договор подписан в ноябре 2016 г., сделка закрыта в июне 2017 г.). Следует также отметить приобретение в 2015-м и 2016 г. по 10% акций нефтехимической компании ПАО «Сибур Холдинг» в сумме за более чем 2,5 млрд долл. соответственно Sinopec и Silk Road Fund. Еще один сверхкрупный проект с миноритарным китайским прямым инвестором – «Ямал-СПГ», где CNPC принадлежит 20% и она уже вложила начиная с 2013 г. порядка 2,5 млрд долл. В целом, по данным Министерства коммерции КНР, на конец 2016 г. объем накопленных китайских прямых инвестиций в России составил 9,5 млрд долл., что почти в 10 раз больше российских прямых капиталовложений в КНР⁷ (Торгпредство РФ в КНР, 2017). При этом ряд ведущих российских ТНК уже запустил начальные фазы долгосрочных крупных проектов, таких, как строительство НПЗ в Тяньцзине компанией «Роснефть». Тем не менее за пределами двусторонних инвестиционных связей сотрудничества российских и китайских компаний почти нет. На наш взгляд, это обусловлено либо разной мотивацией к прямому инвестированию за рубежом и применяемыми ТНК двух стран стратегиями заграничной экспансии, либо серьезной конкуренцией за освоение ресурсов или завоевание рынков в отсутствие больших возможностей для стратегических альянсов (например, ради технологической кооперации или обмена опытом по работе на данном рынке).

Большая часть как российских, так и китайских прямых инвестиций в стра-

нах Центральной Азии пока сосредоточена в нефтегазовом секторе. При этом как раз только в Казахстане есть примеры совместного российско-китайского сотрудничества в освоении ресурсов – в настоящее время северную часть месторождения Кумколь на паритетных началах (в рамках деятельности «Тургай Петролеум») осваивают ведущая частная ТНК России «Лукойл» и китайская CNPC (через канадскую дочернюю структуру PetroKazakhstan). С 2009 г. «Лукойл» был также совладельцем компании Caspian Investment Resources, продав в 2015 г. свой 50%-ный пакет китайскому партнеру Sinopec. Если посмотреть на довольно обширную географию зарубежного бизнеса по разведке и добыче углеводородов у компании «Лукойл», которая в настоящее время включает также Азербайджан, Узбекистан, Ирак, Египет, Норвегию, Румынию, Камерун, Нигерию, Гану и Мексику, там можно увидеть большой перечень партнеров. Помимо местных (обычно государственных компаний) среди них ТНК из США, нескольких стран ЕС, Норвегии, Японии, Турции, даже Малайзии и Ирана, но не Китая. Обычно это связано со стремлением российского инвестора получить опыт бурения на глубоководном шельфе или в других сложных либо нетипичных для России геологических условиях, а подобные технологии китайские партнеры предложить не могут. «Газпром» при освоении зарубежных месторождений также сотрудничает с местным бизнесом и ТНК третьих стран, но только германскими, итальянскими и французскими, а отнюдь не китайскими компаниями. Кооперация российского гиганта с компаниями из ЕС имеет свои корни в многолетнем сотрудни-

7 Торгпредство РФ в КНР. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество. 2017. URL: <http://www.russchinatrade.ru/ru/cn-cooperation/investment> (Дата обращения: 18.10.2017)

честве по развитию трубопроводов из России в ЕС и соответствующего сбытового хозяйства (подземные газохранилища и др.). Похожая ситуация и у «Роснефти». Как известно, Китай лишь недавно стал рассматриваться российскими компаниями как частичная замена рынков в ЕС.

Большое количество сырьевых компаний-гигантов у России, которые объективно склонны к интернационализации своего бизнеса, равно как и стремление Китая установить контроль над сырьем за рубежом с помощью китайских капиталовложений, обуславливают рост прямых инвестиций обеих стран в самых разных отраслях в развивающихся государствах. Однако, например в сфере добычи урана, импорт которого важен для дальнейшего развития атомной энергетики и в России, и в Китае, наблюдаются явно не пересекающиеся стратегии экспансии (Корендясов, 2013). Так, в 2007 г. подконтрольная государству китайская Sino-U создала свое первое зарубежное совместное горнодобывающее предприятие – в Нигере. При этом помимо местного капитала партнерами китайской урановой компании выступают южнокорейские и австралийские фирмы. В то же время российский «Газпромбанк» (через свой сырьевой холдинг GPB Global Resources) вошел в проекты в Нигере в начале 2011 г., получив две лицензии на разведку и добычу урана на участках Тулук-2 и Тулук-4 вблизи города Агадес. Остальные зарубежные проекты в урановом секторе реализует входящая в «Росатом» компания «Атомэнергопром» – в Казахстане, Танзании и США.

В черной и цветной металлургии, алмазной и некоторых других отраслях Россия и Китай выступают, скорее, как конкуренты. Безусловно, отдельные прямые инвестиции на территории страны-соседа имеются. Так, «РУСАЛ»

уже десяток лет владеет катодными заводами в провинции Шаньси стоимостью несколько десятков миллионов долларов, а китайское общество «Лунсин» (принадлежит китайской Zijin Mining Group) в 2015 г. запустило полиметаллический Кызыл-Таштыгский горнообогатительный комбинат в Туве, вложив почти за 10 лет строительства около 0,3 млрд долл. Вместе с тем российские ТНК предпочитают, в случае выбора партнеров для освоения зарубежных месторождений или дальнейшей переработки сырья, местные либо западные компании. Например, «РУСАЛ» в 2007 г. заметно расширил свое зарубежное присутствие в алюминиевом бизнесе, объединив свои активы с глиноземным подразделением швейцарской Glencore, причем в ряде проектов у него были европейские партнеры. Правда, например, на Ямайке в 2011 г. 35%-ная доля норвежской Norsk Hydro была выкуплена, а уже через 5 лет все 100% акций боксито-глиноземного комплекса Alpart российский инвестор, испытывавший финансовые трудности, продал китайскому конкуренту JISCO почти за 0,3 млрд долл. Явно не планируется кооперация российских и китайских компаний на рынках драгоценных и полудрагоценных камней. Скорее, российская «АЛРОСА» пытается реализовать собственную стратегию по укреплению на рынке КНР, в том числе создав во Владивостоке осенью 2016 г. Евразийский алмазный центр (причем к работе на российском Дальнем Востоке уже проявили интерес индийские и южноафриканские инвесторы), а также расширяя свое присутствие на рудниках Анголы (помимо местной компании ее партнером выступает португальский бизнес).

В отраслях обрабатывающей промышленности часто нет возможности для реального сотрудничества ТНК двух стран по причине разного уровня

развития производства в России и Китае – хорошей иллюстрацией служит производство электроники и электротехники, где действует сразу несколько ведущих китайских ТНК (UNCTAD, 2017, annex table 25). Однако и в автомобилестроении, химической индустрии или лесопромышленном комплексе не наблюдается совместного инвестиционного освоения третьих стран (при этом что примеры потоков прямых инвестиций между Китаем и Россией имеются). Не происходит такого сотрудничества и в сфере услуг, хотя как российские, так и китайские бизнес-структуры основывают за рубежом банки, развивают компании мобильной телефонной связи, строят транспортные коридоры (Кузнецов и др., 2016; Cui, Shi, Wang 2016). Лишь отчасти это связано с готовностью китайского бизнеса (в отличие от западных, да и российских ТНК) вкладывать средства в политически нестабильных странах при низкой инвестиционной привлекательности отраслей – например, в сельское хозяйство, примитивные отрасли обрабатывающей промышленности, сооружение инженерной инфраструктуры (Ayodele, Sotola, 2014; Chen et al., 2016). При этом китайцы снабжают местных партнеров долгосрочными кредитными ресурсами, а при необходимости обеспечивают свой инвестиционный проект и китайской рабочей силой, тогда как аналогичная стратегия просто недоступна российским компаниям. Есть, однако, примеры и прямой конкуренции: например, в Пакистане между российско-норвежской компанией VEON со штаб-квартирой в Нидерландах (до начала 2017 г. VimpelCom) и подконтрольной государству китайской компанией China Mobile с регистрацией в Гонконге.

Более того, речь идет не только об отсутствии больших возможностей для сотрудничества китайских и рос-

сийских ТНК в развивающихся странах. Ведь китайские ТНК все чаще пытаются выйти со своими инвестициями в страны ЕС (Hanemann, Huotari, 2016), где российские ТНК активно инвестируют средства уже больше десятилетия. Тем не менее примеров кооперации (в том числе по преодолению политически мотивированного протекционизма) пока между ними не наблюдается. Если не рассматривать капиталовложения в недвижимость, то среди российских инвестиций в ЕС наиболее заметны проекты в сталелитейной промышленности и нефтепереработке, где партнерами российских ТНК нередко выступают западные компании, а китайские инвестиции сосредоточены прежде всего в машиностроении и других отраслях, где возможен доступ к передовым технологиям. В этой связи наиболее интересным представляется пример итальянского производителя шин Pirelli. Еще в 2011 г. эта компания обзавелась первым совместным с госкорпорацией «Ростех» производственным предприятием в России, а в 2012 г. купила второй завод в стране. В свою очередь, в 2014 г., когда уже разворачивалась «война санкций», подконтрольная государству «Роснефть» купила 13,1% акций итальянской ТНК, дав старт новому сотрудничеству России и Италии в шинной отрасли (причем были даже планы не ограничиваться кооперацией в торговле и новыми производствами в России, организовав совместное предприятие в Армении). При этом уже в 2015 г. контроль над Pirelli установила китайская ChemChina, купив свыше 63% акций, причем первые 13,1% акций она купила, как и «Роснефть», через приобретение половины акций совладельца шинного гиганта – фирмы Samfin. Однако, если при покупке 13,1% акций «Роснефтью» россияне получили сразу несколько мест в совете директоров

Pirelli, то после поглощения итальянской ТНК подконтрольной государству китайской компанией представителей российского бизнеса в совете директоров Pirelli вскоре не осталось. Хотя при этом председатель правления российской ТНК И.И. Сечин назвал сделку с китайцами «уникальным примером нового евразийского бизнес-мышления»⁸ (Сечин, 2016).

По-видимому, при всей шумихе в СМИ относительно конфликта России и Запада культурно-историческая близость россиян и других европейцев перевешивает разрыв в традициях ведения бизнеса, выстраивании «социального капитала» между российскими и китайскими предпринимателями.

Таким образом, взаимодействие российского и китайского бизнеса в странах ЕАЭС, скорее всего, обусловлено в первую очередь политическими факторами. Это не значит, однако, что оно бесперспективно – политическое сближение России и Китая в условиях высокой роли у обеих стран национальных ТНК, подконтрольных государству, может способствовать реализации совместных проектов в странах ЕАЭС. Однако в долгосрочном плане, скорее, можно ожидать интенсификации российско-китайских инвестиционных связей (с преобладанием китайских капиталовложений в России, поскольку обычно популярный у ТНК мотив снижения трудовых издержек является в данном случае второстепенным). Примеры совместного освоения рынков Казахстана или Киргизии останутся единичными на фоне постепенного усиления именно китайского присутствия. В то же время в Армении и

Белоруссии позиции российских ТНК еще долго будут оставаться устойчивыми, а основное конкурентное давление продолжит исходить от ТНК западных стран, прежде всего из ЕС.

Список литературы

Корендясов Е.Н. (2013). Битва за уран в Сахаре и Сахеле. *Индекс безопасности*, (4). 61–70.

Квашнин Ю.Д. (2016). Взаимные прямые инвестиции на пространстве СНГ: проблемы, перспективы, уроки украинского кризиса. *Проблемы прогнозирования*, (2). 139–149.

Кузнецов А.В. (ред.) (2016). *Оптимизация инвестиционных связей современной России*. М.: ИМЭМО РАН. 120.

Кузнецов А.В. [и др.]. (2017). *Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ – 2017*. СПб.: ЦИИ ЕАБР. 60.

Лузянин С.Г. (2010). Россия и Китай в Центральной Азии и на Дальнем Востоке: конкуренция или сотрудничество? *Мир и политика*, (2). 24–37.

Лукин А.В. [и др.]. (2016). *Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад)*. М.: Научный эксперт. 130.

Михеев В.В., Швыдко В.Г., Луконин С.А. (2015). Китай – Россия: когда эмоции уместны? *Мировая экономика и международные отношения*, (2). 5–13.

Петрушкевич (2017). Международные потоки прямых инвестиций в Республике Беларусь: оценка характера и влияния на национальную экономику. *Белорусский экономический журнал*, (3). 58–79.

Салицкий А.И., Семенова Н.К. (2014). Россия и Китай на евразийском пространстве: стратегическое партнер-

8 См.: Сечин И.И. Надеюсь, нам удастся принять участие в воплощении в жизнь мечты Энрико Маттеи. Интервью газете «Il Sole 24 ore». URL: <https://www.rosneft.ru/press/today/item/182521/> (Дата обращения: 18.10.2017)

ство с элементами конкуренции. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*, (5). 69–78.

Скриба А.С. (2016). Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути: интересы участников и вызовы реализации. *Вестник международных организаций*, (3). 67–81.

Ayodele Th., Sotola O. (2014). China in Africa: An Evaluation of Chinese Investment. *IPPA Working Paper Series*. 20. URL: http://www.ippanigeria.org/articles/China%20-Africa%20relation_Workingpaper_final.pdf. (Accessed: 18.10.2017)

Chen W., Dollar D., Tang H. (2016). Why is China Investing in Africa? Evidence from the Firm Level. *CESifo Working Paper*, (5940). URL: <http://hdl.handle.net/10419/144975>. (Accessed: 18.10.2017)

Cui X., Shi P., Wang W. (2016). *The Top 20 Chinese Multinationals: Changes and Continued Growth of Foreign Investment*. URL: <http://ccsi.columbia.edu/files/2013/10/EMGP-China-Report-2016-FINAL-Oct-4-2016.pdf>. (Accessed: 18.10.2017)

Hanemann Th., Huotari M. (2016). *A New Record Year for Chinese Outbound Investment in Europe*. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/COFDI_2016/A_New_Record_Year_for_Chinese_Outbound_Investment_in_Europe.pdf. (Accessed: 18.10.2017)

Mamikonyan G., Lewandowski K (2016). EU-Armenia Cooperation within the Eastern Partnership and Its Impact on Armenian Economy. *Zeszyty naukowe politechniki Łódzkiej*, (1207). 119–129.

References

Ayodele Th., Sotola O. (2014). China in Africa: An Evaluation of Chinese Investment. *IPPA Working Paper Series*. 20. URL: http://www.ippanigeria.org/articles/China%20-Africa%20relation_Workingpaper_final.pdf. (Accessed: 18.10.2017)

Chen W., Dollar D., Tang H. (2016). Why is China Investing in Africa? Evidence from the Firm Level. *CESifo Working Paper*, (5940). URL: <http://hdl.handle.net/10419/144975>. (Accessed: 18.10.2017)

Cui X., Shi P., Wang W. (2016). *The Top 20 Chinese Multinationals: Changes and Continued Growth of Foreign Investment*. URL: <http://ccsi.columbia.edu/files/2013/10/EMGP-China-Report-2016-FINAL-Oct-4-2016.pdf>. (Accessed: 18.10.2017)

Hanemann Th., Huotari M. (2016). *A New Record Year for Chinese Outbound Investment in Europe*. URL: http://www.merics.org/fileadmin/user_upload/downloads/COFDI_2016/A_New_Record_Year_for_Chinese_Outbound_Investment_in_Europe.pdf. (Accessed: 18.10.2017)

Korendyasov E.N. (2013). The Battle for Uranium in the Sahara and the Sahel. *Indeks bezopasnosti*, (4). 61–70.

Kuznetsov A.V. (ed.) (2016). *Optimization of investment links of modern Russian*. Moskva: IMEMO RAN. 120.

Kuznetsov A.V. [et al.]. (2017). *Monitoring of mutual investments in CIS countries – 2017*. SPb.: TsII EABR. 60.

Kvashnin Yu.D. (2016). Mutual direct investment in the commonwealth of independent states: Problems, prospects, and lessons of the Ukrainian crisis. *Problemy prognozirovaniya*, (2). 139–149.

Lukin A.V. [et al.]. (2016). *Chinese global project for Eurasia: setting the task (analytical report)*. Moskva: Nauchnyi ekspert. 130.

Luzyanin S.G. (2010). Russia and China in Central Asia and the Far East: competition or cooperation? *Mir i politika*, (2). 24–37.

Mamikonyan G., Lewandowski K (2016). EU-Armenia Cooperation within the Eastern Partnership and Its Impact on

Armenian Economy. *Zeszyty naukowe politechniki Łódzkiej*, (1207). 119–129.

Mikheev V.V., Shvydko V.G., Lukonin S.A. (2015). China – Russia: When Are Emotions Appropriate? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, (2). 5–13.

Petrushkevich (2017). International Flows of Direct Investments to Belarus: assessment of their nature and impact on national economy. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal*, (3). 58–79.

Salitskii A.I., Semenova N.K. (2014). Russia and China in Eurasia: strategic partnership with elements of competition. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, (5). 69–78.

Skriba A.S. (2016). The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: players, interests and implementation challenges. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, (3). 67–81.

Информация об авторе

Алексей Владимирович Кузнецов, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, кафедра интеграционных процессов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924

About the Author

Alexey V. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Department of Integration Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924